

Никто не мог вспомнить, когда увидел его впервые. В кино? В театре? Или это был голос за кадром мультфильма? По полю шел человек. Он дошел до квадрата с отметкой «плюс», встал ровно посередине, вздохнул. Почальные его глаза прощались с землей. В руках он держал портфель или двоську — старый был фильм — содержимое портфеля нам не показали, но и так было ясно, что там немудреные вещички командировочного. Человек улетал в космос...

...Спектакль театра им. Ленинского комсомола «Вор» окончился. Зрители стекали по лестнице, гася на лицах волнение. По длинному коридору с актерскими уборными простучали последние каблучки. Держурная положила голову на локоть и заснула. А Евгений Леонов никуда не спешил.

— Какой был сегодня спектакль? Мы сейчас шли и говорили между собой — неожиданный, интересный. Это сегодня. Он так построен, что всегда получается разным. Как встречала нас публика? Может быть, кто-то думал, что пришел на очередных «джентльменов удачи» — и удивился. Потому что эта пьеса о совести, о человеческой справедливости, о том, что нельзя забывать о своей душе. В конце мы обращаемся к зрителям со словами: «Спектакль окончен, просьба не аплодировать...».

— Евгений Павлович, наверное, для актера контакт с залом — вещь осязаемая и важная. Ведь это зритель, как тысячеконный Аргус, зажигает действие на сцене, наверное, актер обязательно должен чувствовать, каков сегодня зритель?

— Лучше бы ему этого не чувствовать. Актерское чувство иногда не совпадает с тем, что было на самом деле. Лучше бы актеру и не смотреть на зрителей. Свистят? Хлопают? Тишина в зале? Но контакт в чем-то другом выражается...

Бывает, публика пришла праздничная, веселая, а мы разыгрываем перед ней драму. Значит, мы должны стараться играть лучше, чтобы преодолеть легкомыслие. Знаете, в театральных институтах есть такой этюд — ты читаешь, например: «Я сидел у окна в переполненном зале. Где-то пели смычки о любви...», а вокруг все смеются.

— Вы играете на сцене больше тридцати лет. На ваших глазах менялся театр, менялась публика...

— Конечно, все менялось. «Дни Турбиных» в театре Станиславского прошли 500 или 1000 раз. Вроде бы людям нравилось. Я помню, как стояли очереди у театра, как номера на ладошке записывали. Мне казалось, я слышал, как плакали; когда принесли Николку, когда Елена говорила: «Алешу убили». А однажды мне показалось, что на словах «Алешу убили» кто-то засмеялся...

Время — оно в нас самих. И в актерах, и в зрителях. Зритель чуток, но не столь доверчив, его не обманешь, дух времени он чувствует безошибочно. Смотришь иной раз прославленный спектакль — когда-то он был передовым, все с ума по нему сходило — а теперь выглядит странно.

— Может быть, публика стала более интеллектуальной и холодноватой, разучилась смеяться и плакать, утратила непосред-

венность, а кто-то ходит в театр только потому, что неприлично не видеть спектаклей, которые видели все?

— Я не могу с точностью утверждать, кто и для чего ходит в театр. Сыгран спектакль — мы расстались. Вряд ли человек, которому вы не понравились, подойдет и скажет: «Вы играете отвратительно». Подходят те, кому что-то западает в душу. А по ним судить о всей публике тоже трудно. Но я верю, что с театром остаются те, кто его любит. Сегодня искусство как никогда движется к нервному сиюминутному зрелищу, которое трогает какую-то правду, какую-то истину, и за этой правдой человек и приходит в театр.

И зритель театру нужен разный. Я сам

очень обаятельная, хорошо читаю стихи. Хотела бы сняться с вами в кино...»

— И много таких писем?

— Конечно, много. Если бы их авторы знали, что путь актера мучительный, долгий, со слезами, с перепадами... Но есть и душевные письма: «Я строитель. Недавно меня уволили из управления за то, что я боролся с приписками. Посмотрел ваш фильм «Премия», и мне стало интересно — такой вы на самом деле, как ваш герой, или это ложь, которую вы декларируете?».

— И что вы отвечаете?

— Отвечаю, что надо стараться, стараться не декларировать.

— Наверное, основная масса писем признательных?

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я НЕ ЗНАЮ...»

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

У нас в гостях актер Евгений ЛЕОНОВ

раньше был замечательным зрителем. А теперь сижу недовольный, вздыхаю... Но что ж, я от этого не зритель?

— Театр ищет путей к зрителю, он даже стремится вовлечь его в представление: актеры спускаются в зал, действие разыгрывается в проходе, публика поет вместе с актерами. Что вы думаете об этих попытках сблизить сцену и зал?

— Станиславский просто отделил стеклом зрительный зал от сцены, но его театр как никогда был близок зрителю. Можно зрителя ошеломить и удивить, заставить петь и декламировать, но связь его с театром в чем-то другом. Я думаю, что окрашенная сердцем, сиюминутная, глубоко разрабатанная правда на сцене будет ему дороже ошеломляющего зрелища. Помню, раньше мы бегали за кулисы смотреть, как Леонидов держит паузу, как Тарханов кричит: «Ирина...» Но, может быть, я отстаю от времени...

— Евгений Павлович, на какие спектакли, по вашему мнению, молодой зритель идет охотней?

— Не знаю. На те, что талантливы. Сейчас много говорят о современной прозе на сцене: нужно или не нужно, что да как ставить. Может, и разговора такого не возникло б, если б было больше современных талантливых пьес, равных по силе прозе Шукшина, Астафьева, Распутина.

Но классика это или современность, свое или чужое — не все ли равно? Пусть спектакль будет за что-то или против чего-то, но пусть он будит в человеке какую-то истину, избавляет от блаженного незнания.

— Евгений Павлович, кинозрители наверняка забрасывают вас письмами...

— Пишут. «Мне шестнадцать лет, я

— Почему? Разное пишут. Вы испортили всей стране Новый год. Как вы могли сняться в такой белиберде? Как вы позволили себя убить, вы сами должны были их всех поубивать! Кто это придумал, режиссер или вы, бегать голым?

Доброе вызывает добрые чувства, но плохое заставляет задуматься или опомниться. Путь актера долгий, успех может прийти неожиданно, и так заманчиво, спутать успех с признанием, выдать успех за признание самому себе...

Разговор с Евгением Павловичем о зрителе не очень-то получался. Он не хотел ни ругать, ни укорять кого бы то ни было. Он обращал разговор на свое ремесло, на свое искусство, справедливо полагая, что каждый должен делать свое дело: зритель — смотреть, а актер уважать человека и ценить жизнь и с этим знанием и уважением выходить на подмостки...

Театр совсем затих. И вдруг в коридоре послышался знакомый голос, смех — и снова голос. Мы вышли. В коридоре работал телевизор. Шло «Обыкновенное чудо» по Шварцу, минуту назад в кадре показались Леонов.

Король был шварцовский, уморительный, шумный, запутавшийся в самом себе, кипящий от противоречивых чувств... Леонов смотрел на Леонова без улыбки. Потом вздохнул:

— Надо б было еще поработать...

— Вы когда-нибудь смеетесь, когда себя видите?

Леонов вздохнул еще раз:

— Если бы пришел режиссер и сказал: «Давай ставить с тобой «Лира»... Но что там говорить. Я не привык фантазировать беспредметно, жизнь не научила. А Фальстаф, может, сбудется в «Виндзорских на-

смешницах», которые будет ставить Анатолий Васильев...

— Евгений Павлович, от наших известных актеров ощущение такое, что они работают днем и ночью. Кино, театр, а теперь еще и телевидение. Не имеет ли актер права на отдых, не нуждается ли он в передышке?

— Закинуть удочку в воду, сидеть на берегу и думать? О чем? Актер должен работать. Он должен карабкаться. Глупо отказываться от ролей, когда есть желание играть. Вот критики беспокоятся — Джигарханян опять снялся... Ну и чудесно! А что прикажете делать? Предъявляйте к актеру претензии другого толка — как сыграл, что сыграл. А за напряженную жизнь волноваться не надо.

Евгений Павлович противоречил и не противоречил сам себе. До того он говорил, что любит бродить по лесу, думать о чем в голову придет, а в голову приходят все те же мысли, об искусстве и о своем месте в театре, о чеховском Иванове, которого можно играть борцом, героем, а можно — сокрушенным интеллигентом, который размахивает шпагой на собственной кухне, можно играть трагедию целого поколения русских людей, одиноких и замкнутых в своем эгоизме... И как играть новую роль, как вложить в нее правду жизни — сдержанно, тонко, но так, чтобы перед всеми эту правду обнаружить...

Это было неожиданно — узнать, что Леонов любит бродить по лесу. И вспомнил-ся по ассоциации один из последних его героев (один из 70 киногероев) — Василий Игнатьевич из «Осеннего марафона».

— Ваш Василий Игнатьевич получился довольно страшным типом. Он вроде не делает ничего плохого — подумавшись, пьет, подумавшись, таскает за собой по лесу иностранца. Но он самоуверен до крайности, знает ничего не желает вокруг себя и этим страшен, и этим, к несчастью, близок к действительности. Такой поворот характера — заслуга ваша или режиссера?

— Мы придумывали его вместе с Георгием Николаевичем Даниэлем. Нам хотелось сделать его личностью. Значит, страшно получился? Это хорошо.

Как это происходит на съемочной площадке? Сегодня с утра я был на пробах нового фильма Даниэля, условно он называется «Гладиатор». Есть такая сказка Андерсена, осколок зеркала попал человеку в глаз, и все вокруг ему представилось недоброе. С этого должен начинаться фильм. И вот мы пробовали подступиться к герою с разных сторон. Какой он, например, в трамвае, когда обращается к людям: «Меня зовут Павел Васильевич Васин. Мне попал в глаз осколок зеркала, и я увидел наконец, что творится на свете. Син туннель, невестка мерзавка, люди карьеристы, собаки город загадили... А я уже старый, в сказки я не верю...» А как он скажет те же слова на собрании? Как будет говорить дома? Разные интонации, разные черточки в характере.

Это пока только поиски — на ощупь, почти вслепую, только подступы к человеческому характеру, который мне еще неведом.

Т. ШОХИНА.